

18+

Теодор Лабурье

Черная банда

*Серия «Мир
детектива: Франция»*

Теодор Лабурье
Черная банда. Серия «Мир
детектива: Франция»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68070077
ISBN 9785005687722*

Аннотация

История приключений ловкой Черной банды и ее неуловимого предводителя, которая легко обводила вокруг пальца опытных сыщиков и полицейских, а также помогала тем, кто действительно нуждался.

Содержание

Серия «Мир детектива: Франция»	5
Черная Банда	6
Первая брачная ночь	6
На вокзале Кале, перед отходом поезда	21
Кража со взломом	29
Таинственная дуэль	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Черная банда
Серия «Мир
детектива: Франция»**

Теодор Лабурье

Переводчик А. Владимирович

Иллюстрация на обложке Иван Федорович Ферапонтов

© Теодор Лабурье, 2022

© А. Владимирович, перевод, 2022

ISBN 978-5-0056-8772-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Мир детектива: Франция»

Мари Ж. Ошибка доктора Маделора

Бело А. Королева красоты

Фере О. Запутанное дело

Габорио Э. Адская жизнь

Декурсель П. Сын тайны или два ребенка

Серия «Мир детектива: Россия»

Хрущов-Сокольников Г. Джек – таинственный убийца:
большой роман из англо-русской жизни

Александров В. Медуза

Панов С. Убийство в деревне Медведице. Полное
собрание сочинений С. Панова

Гейнце Н. Под гипнозом

Ракшанин Н. Загадка Кузнецкого моста

Хрущов-Сокольников Г. Петербургские крокодилы.

Рубцов возвратился

Черная Банда

Первая брачная ночь

В один из летних месяцев 1870 года, в церкви св. Августина, в Париже, праздновалась богатая свадьба.

Длинный ряд элегантных экипажей тянулся вереницей по улице. На паперти толпились напудренные, одетые в дорогие ливреи, лакеи.

В церкви венчали молодого герцога Аруия, богатого испанца, бывшего консула в Афинах, и молодую француженку, дочь недавно умершего полковника Албане.

Церемония приближалась к концу.

Молодые направились под звуки торжественной кантаты в сакристию, куда последовали за ними приглашенные гости, для поздравления новобрачных.

Герцогиня Аруия была очень хороша собой, особенно в своем подвенечном кружевном платье, усыпанном цветами. Волосы её были черны как вороново крыло, а из-под длинных, юных ресниц блестели не менее черные глаза.

В пышном, роскошном наряде, она казалась каким-то воздушным созданием; высокая, лебяжья грудь её вздымалась от внутреннего волнения, на алых, страстных губах мелькала улыбка.

Молодая кланялась гостям, подходившим к ней с поздравлениями. Она была мила и приветлива со всеми и не обращала ни малейшего внимания, на одного лишь человека – на своего мужа.

С опущенными глазами, серьезный, стоял он возле красавицы и поклонами благодарил тех, которые как будто мимоходом приветствовал и его.

Но такое невнимание к герцогу было понятно... герцогиня была слишком хороша!

Несмотря на испанское происхождение, волосы у герцога были светло-русые, почти белокурые. На его бледном лице отображались тоска и усталость, он казался гораздо старше своих лет, – по виду ему можно было дать лет сорок, тогда как в действительности он был моложе тридцати.

По всему было видно, что, увлеченный красотой молодой девушки, герцог женился по любви. Иначе трудно было объяснить, почему этот испанский гранд выбрал себе невесту в семействе далеко не аристократическом. Что касается молодой, то она выходила замуж больше по расчёту, чем по привязанности, и это знали все. Ей был нужен не муж, а богатый герцог. Она не могла скрыть своих чувств даже в церкви, спустя несколько минут после венчания.

Свадьба состоялась по настоянию самого герцога и матери молодой. Последняя была весьма небогата, ничего не получив в наследство от мужа, кроме права называться вдовой полковницей, а так как полковница очень нуждалась в день-

гах, то обрадовалась несказанно подвергнувшемуся случаю пристроить дочь за испанского гранда. Дочь, достойная своей матери и поклонявшаяся золотому тельцу не более и менее, согласилась выйти замуж за герцога. Хотя было немало причин не вступать в этот брак, она знала очень хорошо, что свадьба не понравится многим, но не решилась отказаться от блестящей партии, в надежде, что случай и время помогут ей выйти из неприятного положения.

Один из недовольных свадьбой был в церкви во время венчания. Он стоял в самой сакристии, за одной из колонн, и бросал свирепые взгляды на новобрачных. Когда гости стали подходить с поздравлениями, страшная злоба отразилась на его лице. Не двигаясь с своего места, он кусал себе ногти и бормотал что-то глухим голосом.

У этой личности был чисто-азиатский тип. Лицо смуглое, с выдающимися скулами, покрытое редкой растительностью; телосложение как у Антония, широкие плечи, тонкая талия, мускулистые руки и грудь точно у женщины.

Красиво согнутый нос и два черных глаза, метаящие искры из-под черных сросшихся бровей, придавали его лицу вид ястреба, высматривающего намеченную жертву.

Стоя за колонной, он, видимо, использовал все усилия, чтобы подавить душившее его волнение. Одна рука его была засунута под жилет, и по ее нервным движениям было заметно, что он ногтями раздирал свою грудь.

Что ему было нужно? Что возбуждало гнев этого челове-

ка?

По невольному содроганию, пробежавшему иногда по телу герцогини, внимательный наблюдатель заметил бы, что она знала о присутствии стоявшего за колонной человека.

Двое из гостей, менее заинтересованных самой свадьбой, и больше окружающей обстановкой, обратили внимание на таинственного гостя и на впечатление, производимое им на герцогиню.

Это были два репортера, приглашенные в церковь, для написания в газеты сообщений о состоявшейся богатой свадьбе.

Один из них, Шапюи, обратился к своему товарищу и спросил его, указывая на беснующегося за колонной господина:

– Послушай, Гаэтан, ты все знаешь. Скажи, пожалуйста, что это за господин за колонной?

– Это? – ответил Гаэтан с видом человека, который, действительно, уверен, что он всегда все знает, – это никто иной, как соперник герцога Аруии.

– Стало быть, по твоему мнению, герцогиня уже... – шепнул Шапюи.

– Милый, – продолжал Гаэтан с самодовольной улыбкой, – все женщины без исключения обычно бывают в том же положении... дело только в деньгах! Луидор, или миллион... а результат один и тот же.

– Однако, как же после этого она могла выйти замуж за ис-

панского гранда? Каким образом явился свидетелем на свадьбу сам испанский посланник? Ведь молодая-то, кажется, не очень древнего происхождения, – осведомился Шапюи, желая воспользоваться сведениями коллеги для своего отчета.

– Любовь, мой друг, любовь, любовь, – продолжал ораторствовать Гаэтан, довольный тем, что он может хвастнуть перед репортером другой газеты своими обширными познаниями великосветского Парижа, – ты видишь почтенную матушку, полковницу Албане, физиономии которой почти не видно под толстым слоем румян и белил, – так вот, эта матушка, прежде чем сделаться настоящей полковницей, была очень хорошенькой девушкой и меняла любовников чуть ли не по три раза в месяц; вследствие чего приобрела себе обширные знакомства в дипломатическом мире. Воспользовавшись протекцией некоторых старых друзей, она и пристроила свою дочь. Но, впрочем, довольно... я знаю, какой монетой платят гонорар господа дипломаты и военные, когда их пробирают в газетах... и потому могу...

– Да кончай же, палач! – воскликнул с нетерпением, навостривший было свои уши Шапюи.

– Понимаю! Ну, нет, брат, шалишь! Будет с тебя и десяти строчек задарма. Ты знаешь теперь, что молодых сосватали в испанском посольстве, по просьбе почтенной матушки; к этому я еще прибавлю, что со свадьбой нужно было поторопиться, так как, в противном случае, полковнице и её

красавице дочке, вместо герцогской короны, пришлось бы надеть на головы косыночки и отправиться в Лондон, и там стирать белье для солдат в богоугодном заведении, которое профаны называют... тюрьмой. Сказав это, Гаэтан вдруг замолчал, прикусив язык, – ему показалось, что он сболтнул лишнего.

– Да продолжай же, варвар, – лепетал Шапюи, – ты жарьшь меня на медленном огне.

– Если я скажу тебе еще слово, то ты будешь знать ровно столько же, сколько и я, – а это вовсе не входит в мои расчёты; я хотел только доказать тебе, что я настоящий репортер и знаю все, – а ты ничего... как... шушера.

Пока репортеры разговаривали, гости мало-помалу разместились по экипажам и разъехались; Гаэтан также вскочил в первый попавшийся фиакр, оставив своего разочарованного собрата на паперти церкви.

Лишь некоторые из гостей последовали за новобрачными в Сен-Жермен, где их на квартире ждал свадебный обед. Молодой герцог ревновал теперь уже свою молодую жену ко всем на свете и не хотел показывать её никому, с чем вполне согласилась его важная родня, которая, хоть и совсем по другим причинам, не желала, чтобы женитьба герцога стала слишком известна в большом свете.

В полночь молодые должны были уехать на недавно купленную виллу в окрестностях Парижа и провести там, вдали от света, медовый месяц.

Мы не станем описывать свадебный парадный обед, который был таким же скучным, как все подобные обеды, где в первый раз в жизни встречаются люди почти незнакомые друг с другом. Не будь заздравных тостов, право, было бы трудно отличить этот веселый пир от похоронных поминок.

Одна только молодая герцогиня старалась развеселить общество. Что касается герцога, то он от шампанского осовел окончательно, и было видно, что в душе он был готов прогнать милых гостей ко всем чертям.

Поминутно смотрел он на старинные стенные часы, проклиная стрелки, движущиеся черепашьим шагом. Его трясла лихорадка и он не мог дождаться той минуты, которая соединит его, наконец, с предметом своего обожания.

Около одиннадцати часов герцогиня сказала вдруг, что ей что-то не здоровится.

Полковница-матушка поспешила рассказать эту новость всем гостям, чем навела на всех еще большую тоску. Позевав украдкой два-три раза, все встали со своих мест и, распростившись с хозяевами, поехали восвояси. Опытная во всех делах мамаша сказала герцогу, что его молодая жена, действительно, нездорова и что ее нужно отвести скорее в виллу, а так как там некому за ней присмотреть, то изъявила желание проводить дочь сама. Герцог поморщился, но делать было нечего: нельзя же было выгнать матушку в день свадьбы.

Через четверть часа элегантная карета уже везла мать

и дочь к роскошной вилле, предназначенной быть свидетельницей горячих поцелуев влюбленных голубков.

Нездоровье молодой было, понятно, вымышленное: матери нужно было поговорить еще раз с дочерью наедине и дать ей некоторые инструкции относительно того обстоятельства, о котором, не без основания, упомянул газетный репортер.

Выйдя из кареты, мать и дочь вступили в богато убранное помещение и прошли прямо в спальню.

Эта комната была отделана с особенным изяществом и роскошью. Стены были обиты атласом, вся мебель была золоченая, огромная кровать стояла на возвышении под высоким балдахином из шелка и кружев, несколько ступеней, покрытых алым бархатом, отделяли брачное ложе от пола.

Войдя в спальню, полковница заперла дверь на ключ, и затем мать и дочь спокойно расположились на мягком диване, не заметив потайной двери, скрытой за широким балдахином кровати. Нервным движением сорвала герцогиня свой венок с головы и швырнула его под кровать.

– Уф! – вздохнула она полной грудью, – я думала, что в самом деле заболею там, проговорила она сердитым голосом. – Какая тоска! Я воображаю, как я буду скучать с моим дураком! Ох, мамаша, я, кажется, уже всерьез жалею, что нам не придется поселиться в известной вам келье, ожидавшей нас за воровство бриллиантов!

– Тише, тише! – вскрикнула полковница, вскакивая с места и озираясь испуганно во все стороны. – Не говори об этом

так громко, – не выдавай нашей тайны и не увеличивай моих страданий... мне и так уже тяжело расставаться с тобой, и поэтому я хотела еще раз поговорить наедине, прежде чем твой муж навсегда отнимет тебя у меня.

Полковница кинулась обнимать свою дочь, она целовала её волосы, глаза и голые плечи... эти чудные, белоснежные плечи, с которых коварная сирена сбросила вуаль новобрачной...

– Как ты хороша, дочь моя, какая ты красавица!

– Стоит быть красавицей для этого Аруия! – ответила дочь, топая нетерпеливо ногой по ковру, – для этого герцога, который купил меня, как покупают заводскую лошадь, – он не потрудился даже поухаживать за мной и сторговался прямо с вами!

– Разве не нужно было ускорить свадьбу, чтобы скрыться под герцогской мантией от позора, который нас ожидал?

– И этот позор мне пришлось выкупить своим телом! Но, матушка, вы, по крайней мере, знайте, что любви в нашем доме не будет.

– Однако, герцог влюблен в тебя.

– Тем хуже для него.

– Я знаю, что ты предпочитаешь ему своего молдаванина, но видеться с ним теперь нельзя... помни это... слишком рано еще, – сказала, улыбнувшись, почтенная матушка.

– А вы думаете, что он будет терпеливо ждать! – крикнула герцогиня, стукнув кулаком по столику! Вы не знаете его! Вы

не заметили его в церкви! Я думала, что он кинется на герцога прямо перед алтарем! О, у него в жилах течет кровь, – у моего молдаванина, тогда как герцог – это... ледяная со-сулька, и ничего больше!

Циничное замечание дочери пришлось как нельзя больше по вкусу полковнице, и она разразилась громким смехом, которому вторила молодая герцогиня.

Раскаты весёлого хохота не успели смолкнуть, как открылась потайная дверь и в ней показался мужчина.

Это был тот самый человек, который стоял у колонны в церкви, – тот самый молдавский князь, у которого, по словам герцогини, текла кровь в жилах.

Он был бледен, но в его глазах отражалась злоба. Явившись столь неожиданно в спальне герцогини, он был похож на привидение, женщины испугано вскрикнули от страха.

– О, – воскликнула герцогиня, – вот он, вот он, мой князь, мой молдаванин, – я сказала вам, что он не станет ждать!

– Безумец, что ты делаешь! – заревела старуха, бросаясь ему на встречу.

Молдаванин так сильно толкнул полковницу, что она покатилась на пол. Потом, подойдя к герцогине, стоявшей на одном месте, как статуя, он проговорил глухим голосом:

– Я поклялся, что первую ночь твоего замужества ты проведешь со мной. Пойдем, нас ждет карета, я увезу тебя с собой!

Но не успела ответить герцогиня, как у входной двери по-

слышался громкий стук. Слышен был голос герцога, который кричал:

– Тут смеялись, я различаю голос мужчины, что здесь происходит?

Стук возобновился сильнее прежнего.

– А, я понимаю, меня обманывают... но я убью тебя, негодную...

Молдаванин, старуха и герцогиня были поражены, но князь ожидал всего. Отправляясь на виллу, он прихватил револьвер, который вынул теперь из кармана. Он ждал мужа, силившегося выломать дверь, и решил убить его.

Увидев револьвер, старуха закричала что есть мочи. Снаружи удары становились все ожесточеннее, причем герцог в возбуждении кричал что-то невнятное, из чего можно было расслышать только следующее:

– Сударыня! Вы увезли свою дочь только для того, чтобы передать ее в руки любовника, но погодите, я убью его, этого любовника...

– Да... если я не убью вас раньше! – ответил голос молдаванина.

Герцогиня бросилась к князю и обвила руками вокруг его шеи, как будто желая защитить его от нападения мужа.

В эту минуту дверь с треском распахнулась.

Показался герцог, бледный как мертвец, с поднятым револьвером в руке.

Князь и герцог смотрели друг на друга...

Муж не решался стрелять, опасаясь ранить жену, висевшую на шее противника.

– Стреляйте же, герцог! – крикнул князь, смеясь вынужденным смехом. – Стреляйте, если вы не боитесь убить вашу жену, которая прикрывает меня точно нагрудник.

– Так умрите оба... подлые, мерзкие! – крикнул герцог и хотел было спустить курок, – но, сделав, при этом, шаг вперед, он наткнулся на что-то лежавшее на полу, это была старуха-полковница, упавшая в обморок при виде мужа и любовника, стоявших друг против друга с поднятыми револьверами. Толкнув свою тещу ногой, герцог снова прицелился в своего противника, – но в эту минуту в комнату ворвался какой-то человек в маске, появившийся словно неизвестно откуда. Он схватил герцога за руку и вырвал пистолет.

– Прежде чем совершить двойное убийство, – сказал человек в маске, – узнайте прежде, кто есть та, из-за которой вы хотите стать убийцей, – это воровка и дочь воровки, благодарите лучше князя, что он избавляет вас от этих мерзких тварей.

Сказав эти слова, человек в маске нагнулся к старухе и сунул ей под нос флакон со спиртом.

– Вставайте, мадам, – проговорил он, толкая полковницу под бок, – вам не стоит терять время... нужно удирать, а то вас потащат в префектуру.

– О, это сон! Я проклят! – прошептал герцог разбитым голосом, смотря на молдаванина и на свою жену, не менее

его озадаченных появлением незнакомца.

Вдруг герцог, опомнившись немного, спросил, человека в маске:

– Кто вы, объяснитесь, наконец?

– Кто я?.. Я – вожак лондонских карманников, и явился сюда за своей сообщницей, чтобы спасти ее от преследования французской полиции. Вот почему я надел маску, желая скрыть от вас свое лицо, на всякий случай.

– Господи! Что я переживаю! – воскликнул герцог, хватая себя за голову, – я... испанский гранд... я подвергаюсь такому позору... двойному позору...

Нога его наступила на твердый предмет... он нагнулся и увидел свой револьвер, стремительно схватил его, приставил к виску и спустил курок...

Послышался выстрел – и с окровавленной, раздробленной головой герцог упал на ковер... Смерть последовала мгновенно.

На несколько минут свидетели этого неожиданного самоубийства остолбенели, забыв о том критическом положении, в котором они находились.

Человек в маске опомнился первый, зная, что на выстрел сбегутся все жители дома.

– Живей, бежим! – крикнул он, потащив за собой едва стоявшую на ногах старуху, – нам не поздоровится, если нас застанет здесь полиция.

Князь был также озадачен – не столько тем, что он видел,

а тем, что услышал от вожака лондонских карманников.

Его любовница – воровка! Это открытие сильно покорибило его и внезапно охладило страсть.

Герцогиня инстинктивно почувствовала, что происходит в душе молдаванина. Нужно было уничтожить во чтобы то ни стало неблагоприятное для нее впечатление. Она подошла к труп у мужа и, протянув над ним руку, проговорила торжественным тоном:

– Князь, я клянусь вам, что все, сказанное этим человеком, ложь... Он говорил все это с целью убедить герцога отказать от меня. Князь, вы только что предлагали уехать... двери открыты... чего же вы еще ждете?

Всем известно, что у влюбленных своего рассудка нет, а князь был по уши влюблен в герцогиню, не удивительно, поэтому, что он поверил ей на слово. Он обнял ее и увлек за собой через потаенную дверь.

Не успели они скрыться, как слуги, привлеченные звуком выстрела, прибежали со всех сторон.

Их изумленным взорам предстал окровавленный труп герцога, распростертый на полу, с револьвером в руке.

Через час полицейский комиссар явился на виллу и составил протокол, в котором значилось, что со слов прислуги, герцог лишил себя жизни, застав свою жену с любовником в день свадьбы.

Когда происшествия брачной ночи дошли до слуха двух известных нам репортеров, они обрадовались и написали

две невероятно длинных статьи, наполнив их подробностями, почерпнутыми из богатой фантазии. А драматическая новость дня, разлетевшаяся с поспешностью, достойной поощрения, и двойного гонорара, поставила бы их, наверное, на три ступени выше всех остальных собратьев по ремеслу... не появился в тот же день другое, подавляющее все остальные известие...

Была объявлена война с немцами.

На вокзале Кале, перед отходом поезда

В марте 1872 года, то есть два года спустя после описанной нами брачной ночи, в одном из залов вокзала в Кале, за одним из столиков сидели четыре подозрительных личности. Их беспокойные взгляды были устремлены на двери, выходящие на платформу.

Приближалось время отхода поезда.

По знаку одного из собеседников, младший встал и подошел к входной двери, заглянув в соседний зал, он кивнул товарищам головой, желая дать знак им, что ничего подозрительного не видно и что они могут спокойно разговаривать о своих делах.

Трое оставшихся за столом продолжили перешептываться между собой.

– И так, Грасс, ты уверен в том, что эти триста тысяч франков уже отнесли в багажный вагон? – спросил человек, одетый в коричневое пальто, с повязанным вокруг шеи широким кашне.

– Я видел собственными глазами, мистер Бонсон. А еще видел владельцев денег, то есть, господина Морана, поверенного торгового, дома Мильтон, и господина Альфреда, уполномоченного парижского дома Муаро, – ответил Грасс.

– Которым по счету прицеплен багажный вагон? – про-

должал интересоваться Бонсон.

– Вторым за локомотивом.

– Вы уверены в успехе, несмотря на присутствие Сторера, который может догадаться, в чем дело?

– Уверен, что дело удастся, так как вы, мистер Бонсон, и Дилон на нашей стороне, – ответил Грасс с лукавой улыбкой.

– Ну, ладно, – остановил Грасса мистер Бонсон, агент секретной полиции, – поезд сейчас отойдет, возьмите билеты.

– Ступай сюда, Кри-Кри! – позвал Грасс парнишку, караулившего у дверей. Кри-Кри – худой, измученный молодой парень, над которым вечно подтрунивали и смеялись все члены банды.

– Будет смешно, если дело сорвется, – продолжал Грасс насмешливым тоном, обращаясь к агенту полиции, который, несмотря на свою причастность к банде, обычно обращался к ним свысока, – вы, Бонсон, направленный следить за нами, первый очутитесь в кутузке.

– Молчи – идут, – ответил Бонсон, вынимая кошелек, с намерением расплатиться за выпитое вино.

Четыре типа сели на свои места при приближении гарсона. Как только он удалился, получив деньги за бутылку бордо, мошенники вскочили и отправились поодиночке на платформу. Здесь они принялись высматривать вагоны третьего класса.

Вся почтенная банда только сегодня прибыла из Англии,

вслед за добычей, намеченной заранее.

С первого взгляда покажется странным, что в их число входит агент секретной полиции, но для тех, кто знаком с английской полицией, этот факт не станет новостью. В таких случаях, когда секретные агенты находили, что им выгоднее идти рука об руку с ворами, они недолго думая переходили, на темную сторону, оставляя за собой право действовать по закону, как только дело начнет проваливаться. Так было и теперь, – агент Бонсон был подкуплен Жаком Дилона, предводителем банды.

В то самое время, как Сторер, один из директоров английской полиции, собирался поймать Жака Дилона, известного лондонского вора, его помощник, Бонсон, приехавший официально с той же целью, стал сообщником мошенника.

Бонсон обязался защищать вора или же выпустить его, как если сложится неприятная ситуация.

В то самое время, когда происходила описанная нами сцена, в зале первого класса расхаживали два изящно одетых господина. Они какое-то время ходили мимо друг друга, точно, незнакомые, но потом, не говоря ни слова, сошлись и стали вполголоса что-то обсуждать.

Один из них был высокого роста, брюнет, с узкими черными бакенбардами, крючковатым носом, веселыми, живыми глазами и тонким ртом, с которого не сходила саркастическая улыбка. Вся его фигура дышала энергией. Другой был блондин или, лучше сказать, рыжий англичанин. Цвет

его лица был бледно матовый, точно у женщины, глаза светло-голубые. Он не носил ни бороды, ни усов и имел вид наивной девушки, но не трудно было догадаться, что наивность эта была напускная.

– Жак Дилон, за каким дьяволом очутились вы во Франции? – спросил брюнет, отводя блондина к окну.

– За таким же дьяволом, как и вы, – ответил Дилон, смотря куда-то в пространство.

– Значит, вы так же, как и я, собираетесь погулять по Парижу? – переспросил брюнет, который был никто иной, как начальник Бонсона, Уильям Сторер.

– Да, мистер Сторер, я собираюсь покутить, – сказал Дилон, которому совсем не нравился допрос директора полиции.

– Покутить и... пошарить в карманах парижан!

– Мистер Сторер, вы не очень великодушны, – остановил его мошенник, – вот два года уже, как я отсидел, а к тому же я не в Лондоне, а во Франции... и советую вам забыть, кто я, при этом условии и я забуду, кто вы. Нечего напоминать о виселице человеку, который пользуется свободой по закону.

– Однако, вам не трудно стать опять достойным виселицы, – заметил Сторер, не выпуская руку своего собеседника.

– Не будем говорить о таких гадких вещах, мистер Сторер, особенно здесь, где наше с вами присутствие может и вовсе оказаться не столь приятно господам, которые нас окружают,

– Послушайте, – вы, кажется, пытаетесь дерзить? – сказал Сторер, повышая голос.

– Я еще скажу вам, если вы не оставите меня в покое. Вы не имеете никакого права одергивать меня здесь!

– Может быть прикажете мне рассыпаться в любезностях перед вами?.. Вы, вероятно, не знаете или забыли, что я имею право схватить вас в любой момент, когда пожелаю, для того, чтобы вернуть на готовую для вас квартиру – в Пентонвильской тюрьме?

– Перестаньте угрожать мне, мистер Сторер! – запальчиво возразил Дилон, – вы становитесь shocking¹! Еще одно слово – и я отомщу вам.

– Желал бы я знать, как вы это устроите?

Мошенник не ответил.

Последовало молчание. Эти два человека, находящиеся в совершенно разных жизненных условиях, бросали друг на друга гневные взгляды, точно два противника, имеющие равные шансы в бою.

Дилон первым прервал молчание и, указывая пальцем на стоящего в некотором отдалении мужчину громадного роста, сказал:

– Вы должны знать князя Яга? Узнаете – да? Очень рад! Около него стоят два молодых человека, – один из них офицер, который приехал сюда, в Кале, на встречу к своему другу, с тем, чтобы проводить его в Париж, в торговый дом ули-

---

¹ шокирующим (англ.) – Здесь и далее прим. переводчика.

цы Шарло, а этот дом, кажется, нам обоим хорошо знаком, мистер Сторер, – не так ли?

– Негодяй! – воскликнул Сторер, побледнев как мертвец. Появление князя было для него ужасным напоминанием о встрече, случившейся два года тому назад между молдаванином и герцогиней Аруия.

Видно было, что появление князя, поставило директора полиции в неприятное, даже зависимое положение. Мошенник торжествовал.

– Будьте благодарны, мистер Сторер, и не оскорбляйте меня, – сказал он, саркастически улыбаясь, – вспомните лучше, что, два года тому назад, я отправился, по вашей просьбе, замаскированный, в виллу герцога Аруия для того, чтобы спасти герцогиню и ее мать, вашу бывшую любовницу, которым нельзя было оставаться больше в Париже, несмотря на то, что мы, опытные воры, оказывали им всевозможную протекцию. Согласитесь сами, мистер Сторер, что и вор иногда может быть годеи для чего-нибудь.

– Замолчишь ты, мерзавец, или нет! – шипел Сторер, все больше и больше бледнея, – ведь я погиб, если кто-нибудь тебя услышит!

– Я это знаю, поэтому и говорю.

– Ты, значит, спас мою бывшую любовницу и передал мою дочь в руки ее любовника только для того, чтоб иметь всегда возможность угрожать мне чем-нибудь? – продолжал Сторер в сильном волнении.

– Положим, что вашу любовницу и вашу дочь, герцогиню Аруия, я спас потому, что они были в моей шайке, тут вы почти что ни при чем, и для того, чтобы держать вас в своих руках, у меня имеются совсем другие данные. Если я, господин директор полиции, в ваших списках занесен в категорию воров, то вы, мистер Сторер, записаны у меня как убийца.

– Довольно! Довольно! – пробормотал Сторер, сжимая изо всей силы руку Дилона. Молчи – ради меня и ради самого себя!

– Ну, вот это другое дело, – теперь вы стали умницей, – сказал спокойным тоном мошенник, высвобождая свою руку от Сторера.

Но Дилону пришлось торжествовать недолго. Всматриваясь пристальнее в лицо одного из молодых людей, стоявших возле молдавского князя, Сторер узнал его. Схватив снова мошенника за руку, он проговорил со злорадством:

– Постой, почтенный, теперь пришла моя очередь озадачить тебя. Этого молодого человека я также знаю хорошо. Это будущий компаньон дома Мильтон в Лондоне и должен жениться на твоей дочери, честнейший Жак, не зная, кто её отец, точно так же, как кроме нас, никому неизвестно, что герцогиня Аруия – моя дочь. Ты силен, мистер Жак, но и я, дружок, немало знаю про тебя.

От этих слов полицейского чиновника Дилон отскочил, как ужаленный, потом, подойдя ближе, он сказал взволнованным голосом:

– Послушайте, у нас друг против друга одинаково сильное оружие, – давайте бросим уже воевать и сохраним свое инкогнито. Так будет, умнее.

В эту минуту вошел в залу сторож и громким голосом прокричал: «Сен-Пьер-Кале-Булонь – прошу садиться!»

Через несколько минут Сторер сидел в купе первого класса, а рядом с ним сидел вор Дилон. На другом конце вагона разместились друг против друга князь Яга, поверенные дома Мильтон, – Моран, и поверенный дома Муаро, – Альфред Булишар.

Дилон нагнулся к полицейскому чиновнику и сказал ему на ухо:

– Нас, как видно, так и тянет к любовникам наших дочерей!

Дилон не знал, что Стореру было поручено следить за ним после доноса, сообщившего лондонской полиции о намерении этого ловкого вора захватить сумму в триста тысяч франков, которые Моран вез в Париж для дома Муаро в улице Шарло. Вор полагал, что директор полиции направляется в столицу Франции по собственным своим делам, впрочем, отчасти он был прав, – потому что не только Сторер, но и князь Яга, и Моран, и Булишар, равно как и он сам, мчались в Париж для того, чтобы дать, наконец, разыгаться давно душившимся их эмоциям.

Кража со взломом

Прошел час. Поезд мчался по безлюдной долине между Сень-Пьером и Булонью. Ни одно место, на всём протяжении от Кале до Парижа, не представляет столько удобств для совершения преступлений, как эта цивилизованная пустыня. В первом классе пять упомянутых нами пассажиров сидели молча и скучали. Князю Яга надоело, наконец, зевать и смотреть на сидящих против него молодых людей. Он решил во чтобы ни стало начать разговор.

Вынув из кармана большой портсигар, князь открыл его и протянул одному из французов со словами:

– Не угодно ли вам сигару, милостивый государь, – я думаю, что здесь можно курить?

– Благодарю, – ответил сухо представитель дома Милтон, – я курю только в обществе знакомых. А если вам самим угодно курить, то курите, хотя я полагаю, это будет не всем приятно.

Князь Яга, не обращая внимания на замечание молодого человека, закурил огромную сигару и вскоре весь вагон наполнился дымом.

– Этот господин думает, верно, что он в портерной! – проговорил громко Сторер, желавший хоть чем-нибудь насолить князю Яга, ненавидеть которого он имел не мало причин.

– Послушайте, мосье, – заорал молдаванин, нагибаясь через перегородку сиденья к полицейскому чиновнику, – вы позволяете себе слишком дерзкие выражения. Уж не хотите ли вы затеять со мной ссору? Я должен предупредить вас, что я дворянин, и приехал во Францию не затем, чтобы драться здесь с какими-то лавочниками. У нас на родине дворяне не роняют себя до того, чтобы связываться с торговцами, а вы, как видно, настоящий приказчик.

– Полно, милостивый государь, – вмешался в разговор Дилон, желая выслужиться перед полицейским чиновником, – будьте дворянином. Не уничтожайте окончательно нас, ничтожных лавочников, а лучше перестаньте пускать дым, а то мы скоро задохнёмся.

– Дикарь не обязан вести себя прилично, как подобает дворянину, – заметил один из молодых людей, по-видимому, военный.

– Во Франции нет больше дворян, мосье, с тех пор, как похозяничали здесь немцы, – ответил на это князь дерзким тоном, выпуская изо рта клуб густого дыма.

– Настоящий дворянин не позволил бы себе напоминать французам о том несчастном времени, – крикнул с запальчивостью товарищ офицера.

– Ого! Тут, кажется, все против меня, – сказал Яга. Но увидев красную ленточку в петлице одного из молодых людей, спросил его, – вы, кажется, военный?

– Да, я офицер, и готов стать к барьеру, если только вы со-

чтете возможным драться с офицером, который собирается сбросить эполеты и сделаться купцом и компаньоном торгового дома улицы Шарло.

При этих словах гнев молдаванина исчез моментально, лицо его приняло ласковое, даже заискивающее выражение.

– А-а, – я должен был догадаться, кто вы. Еще на пароходе из Дувра в Кале и подслушал невольно ваш разговор с товарищем, – вы господин Альфред Булишар.

Князь протянул свою широкую руку тому, с которым только что ссорился, но Альфред не пожал этой руки и ответил сухо:

– Князь Яга, вы видите, что я узнал вас, прошу оставить меня и моего друга в покое, вы отправляетесь в Париж для удовольствия, а мы по работе, так что нам делить нечего.

Потом, не обращая больше внимания на молдаванина, молодые люди стали разговаривать между собой, а князь, пробормотав какое-то проклятие, откинулся назад и задымил сильнее прежнего.

Через несколько минут, поезд остановился и кондуктор принялся кричать на платформе:

– Булон, Булон! Десять минут остановки!

Дилон выскочил из вагона, желая использовать десять минут для своих дел.

Полицейский агент не заметил было, как исчез тот, за которым он следил, но потом бросился за ним и заметил его вскоре у багажного вагона. Мошенник стоял и преспокойно

курил сигару, а при приближении Сторера он и не подумал скрыться от него, а, напротив, подошел к нему и предложил сигару.

– Вы курите, не правда ли? – спросил он, – здесь не нужно просить позволения.

Стореру показалось забавным воспользоваться любезностью вора, и он взял себе сигару, которую закурил о зажжённую Дилоном спичку.

– Какая, однако, прелестная вещь – прогресс, – рассуждал вор, прохаживаясь по платформе с полицейским, – в былое время такие господа, как вы, мистер Сторер, одевали таким людям, как я, без всяких церемоний кандалы на руки, – а теперь мы разъезжаем комфортабельно в первом классе и раскуриваем гаванские сигары, вот он – настоящий золотой век...

– Приберегите вы свою философию для себя, – прервал его сердито Сторер.

– И вы поберегите меня, господин директор полиции! – с веселым хохотом возразил ему Дилон, причем пробормотал себе под нос: «а если бы ты знал, дурацкая твоя голова, что, закуривая мою сигару, ты сам же подал сигнал моим молодцам, чтоб они принялись за работу в багажном вагоне, – как бы тебя передернуло! Разве это не поэзия, – воровать так ловко, под самым носом тайной полиции? Сам дьявол захлопает в ладоши!»

Пассажиры уселись на свои места, и поезд помчался даль-

ше, а нам нужно вернуться к мошенникам, разместившимся в вагоне третьего класса.

Был час ночи, когда поезд шел по упомянутой нами выше долине между Кале и Булонью и воры воспользовались этим временем. Дав на одной из первых станций кондуктору «на чай», они вскоре остались одни в своем отделении.

На полном ходу Грасс и Кри-Кри открыли дверцы и вылезли на подножки, тянувшиеся по обе стороны вагона. Таким образом, держась за перила, они добрались до багажного вагона, в котором хранились деньги торгового дома Милльтон.

Когда бандиты, пробиравшиеся по противоположным сторонам, сошлись у багажного вагона, Грасс крикнул своему товарищу:

– Ты смотри за багажным кондуктором, а я произведу механику, если только он заметит что-нибудь, не говоря ни слова, всади ему зубочистку в глотку... слышишь... а? Как бы не сдрейфить!.. ну... теперь... валяй!

Грасс вынул из кармана небольшой лом и принялся отди- рать замки вагона, а Кри-Кри, держась одной рукой за перила, приподнял в другой кинжал, которым приготовился уда- рить кондуктора, если бы тот вышел на платформу. Но кон- дуктор сидел преспокойно в своем отделении и не подо- зревая, какая ему грозит опасность. Шум от работы Грасса также не доходил до его слуха, так как, приближаясь к Бу- лони, машинист то и дело что подкладывал угля в печь, ло-

комотив шипел, гудел, ревел на славу и заглушал стук лома. Через десять минут замок отлетел. Грасс снял засов, приоткрыл дверь и влез в вагон. Он знал, в какое место был поставлен сундучок с деньгами, и поэтому ему не пришлось долго искать. Взяв его под мышку, он вылез на подножку, закрыл дверь, засунул засов и пополз обратно к своему вагону, свиснув мимоходом Кри-Кри.

Едва успели они сесть на свои места, как поезд подкатил к станции Булонь.

На станции Дилон увидел своих помощников в окно и по условному знаку понял, что дело сделано. Заставив Сторера закурить сигару возле вагона, где находились воры, Дилон тем самым дал им знать, чтобы он соскочили с поезда сразу за Булонью.

Поезд еще не успел набрать полный ход, когда Грасс и Кри-Кри выскочили из вагона с драгоценной ношей, а полицейский агент Бонсон, на которого вполне полагался Сторер, пожелав им доброго пути, завернулся в свой плед и растянулся во весь рост на скамейке, где скоро захрапел во все носовые завертки.

Сидя возле Сторера, Дилон был в восторге и, нужно сказать правду, не столько оттого, что в его рука очутилась теперь громадная сумма, сколько от того, что ему удалось сыграть ловкую штуку под самым носом полицейского директора, командированного нарочно, чтобы помешать воровству. Дилон был горд теперь, как Наполеон после Аустерлица.

В отделении первого класса ничего не происходило до самого приезда в Париж. Князь Яга и молодые люди не обменялись больше ни единым словом, Сторер думал о том, как ему лучше наблюдать за Дилоном, а этот последний придумывал способ, как бы отделаться от своего «непрощенного гувернера».

На парижском вокзале все начали хлопотать о своем багаже, как вдруг раздался на платформе раздирающий душу крик:

– Меня ограбили... обокрали!..

Это кричал Моран, представитель и поверенный дома Мильтон. На нем не было лица, потеряв где-то шляпу, он рвал на себе волосы и метался как сумасшедший.

Толпа окружила несчастного, тут же стояли князь Яга, Сторер, Дилон и Альфред. Последний старался успокоить своего друга.

Дилон курил равнодушно сигару, держа руки в кармане, а Сторер смотрел на него пристально, как может смотреть судебный следователь, желающий проникнуть в глубь души допрашиваемого им преступника. Все внутри полицейского чиновника переворачивалась, но он не знал, что делать. Долг службы и чести требовал немедленного ареста вора, а страх, что тот расскажет некоторые компрометирующие его тайны, удерживал его от энергичных действий.

– Меня ограбили! – продолжал плакаться Моран, – кто это мог ограбить меня... украсть триста тысяч франков, нахо-

дившихся в багажном вагоне... Зовите комиссара... комиссара скорей... скорей...

Произнося эти слова, Моран метался из угла в угол, а толпа все глядела на него и пожимала плечами.

Жандарм бросился за комиссаром и через несколько минут привел его на вокзал.

– Заприте все двери, чтобы никто не мог выйти, – командовал комиссар, – вор не мог еще уйти отсюда.

– Вор? – сказал Сторер, поборов, наконец, свое волнение и решившись повиноваться долгу службы, – вор – вот он, здесь.

Рукой Сторер указал на стоявшего вблизи его Дилона.

Жандарм схватил его сзади за обе руки.

Дилон посмотрел на всех окружающих, и в особенности на комиссара, с невыразимым удивлением. В это время вышел из толпы зрителей полицейский агент Бонсон и подмигнул Дилону.

– Я? Вор?.. вы обалдели!.. А этот человек – мошенник, который хочет ускользнуть, – сказал Дилон, высвобождаясь из объятий жандарма, – я... директор полиции Сторер, и командирован во Францию, чтобы накрыть вора Дилона... а Дилон – это вот этот человек!

Отъявленный плут ткнул пальцем Сторера, который был так озадачен этой неожиданной выходкой, что не знал, что ответить.

– Вот моя карточка, – продолжал Дилон, – общите меня

и его, и тогда вы сейчас узнаете, кто из нас вор.

Сторер был поражен, – по его изумление перешло все границы, когда его же помощник, агент Бонсон, подтвердил показание Дилона.

От изумления Сторер перешел к остервенению, когда узнал, что его обокрали, а из бокового кармана пальто вытащили карточку с именем Дилона. Ловкий плут сунул ее своему «гувернеру» в то время, когда они сидели рядом в вагоне.

Комиссар больше не сомневался, что перед ним находится настоящий вор.

– Марш! – скомандовал он, толкнув в шею почтенного директора английской полиции, – марш – в мой участок! Потом, по совету того же Дилона, он пригласил с собой и Морана.

– Не угодно ли и вам, мосье, последовать за нами.

– Да, да, я понимаю, вам желательно узнать подробности о краже? – спросил Моран, которого коробил бесцеремонный тон комиссара.

– Нет, – ответил сухо комиссар, – я хочу убедиться, не сами ли вы себя обокрали, как это практикуется весьма часто многими приказчиками торговых домов.

Моран стал было возражать, но подоспевшие к этому времени полицейские окружили его и Сторера и проводили к выходу.

А Дилон, раскланявшись важно с комиссаром, который отвесил низкий поклон мнимому директору полиции, пошел

нанимать себе карету.

Таинственная дуэль

Сыграв на вокзале ловкую штуку с директором лондонской полиции Сторером и поверенным торгового дома в улице Шарло, Дилон отправился прямо к главному управляющему этого дома. Его звали Бержен и был он честным торговцем для всех, кроме Дилона, который называл его своим компаньоном. Знакомы были они давно уже и обделали вместе много делишек, которые отзывались преступлениями; почтенный Бержен был родом итальянец и назывался раньше Бержини.

Прежде чем полиция смогла разобраться в путанице и задержать настоящего мошенника, Дилон уже был в улице Шарло и, позвонив у дверей торгового дома, послал с лакеем свою карточку господину Бержену.

Бывший Бержини, узнав, что его желает видеть Дилон, побледнел как полотно, но, тем не менее, приказал привести его тайным образом в свой кабинет.

Как только Дилон остался один на один с честным коммерсантом, сказал ему без дальнейших предисловий:

– Синьор Бержини, те триста тысяч франков, которые ты ждешь сегодня и которые ты хотел стянуть у лондонского дома Мильтон и К°, украдены прошлую ночь моими молодцами. Для твоей же пользы прошу тебя не делать никаких заявлений прокурору и полиции, а если не слушаешь, то

в первую очередь сам пострадаешь и, кроме того, я помешаю твоей свадьбе.

– Но долг чести... Но моя обязанность, – лепетал Бержен, запинаясь и поглядывая искоса на человека, который давно уже держал его в своих руках.

– Твой долг чести или твердая обязанность... молчать, во-первых, для твоей же пользы, а во-вторых, из благодарности. Не забывай, что ты получил наследство сначала после смерти господина Бландуро, отца твоей любовницы, а потом после смерти ее мужа, которого ты убил, потому что я этого хотел. Не забывай, что ты втерся в это семейства только благодаря мне. И забудь, что твоя сила здесь, – это я. Вспомни, что я тебя сунул сюда только потому, что мой бывший сотоварищ Бландуро, этот мошенник, не хотел взять меня в компанию при открытии торгового дома в улице Шарло... Я отомстил ему, рекомендовав тебя, как учителя и его дочке, которую ты изнасиловал по моему совету и потом сделался, не без труда, управляющим и уважаемым, – хотя и не достойный уважения, – коммерсантом. Ты мой подчиненный... мой слуга и обязан повиноваться мне... Я предупредил тебя и сказал, что ты должен делать, а теперь прощай... Я ухожу. Кланяйся той, которая должна быть твоей супругой, только не рассказывай ее семейству, что деньги, которые ты хотел прикарманить, попали ко мне. Впрочем, ты должен понять, что я беру себе только проценты за тот капитал, который я тебе одолжил, чтобы сделаться компаньоном той... той... одним сло-

вом, твоей будущей жены.

С этими словами Дилон кивнуть головой ошеломленному Бержену и незаметно вышел из кабинета и из дома.

Чтобы намеки Дилона стали ясны, нужно рассказать историю дуэли, случившейся лет двадцать раньше и улице Помп, в Пасси. Эта дуэль была, по воле того же Дилона, стала начальной точкой удачи и богатства Бержена, члена «черной банды», к которой принадлежал когда-то и Бландуро, но последний отказался от своих сообщников, как только его дела пошли в гору, и к управляющему делами – итальянцу Бержини... настоящей гадине.

В сентябрьскую ночь 1854 года, в одном из домов улицы, Помп, в Пасси, было шумно, светло и весело. Смеялись и танцевали в залах, хихикали и бегали по прилегающему к дому большому парку, где, по мнению разгулявшейся молодежи, было слишком мало тени... слишком мало уютных уголков...

В семействе, которое давало бал, довольно часто собиралось много гостей и в особенности молодых людей, ухаживавших за дочерью хозяев, богатой невестой.

Около двух часов ночи, когда кончились шумные мазурки и гости стали разъезжаться. В дальнем, тенистом уголке парка друг против друга стояли два человека и готовились стать действующими лицами очередной драмы.

Один из них был совсем еще молод, а другой уже зрелого возраста.

Сбросив с себя фраки, они скрестили принесённые с собой шпаги.

Казалось, что эта дуэль происходила без свидетелей. По крайней мере официальным образом их и не было, но три лица, заинтересованные ссорой дерущихся, следили издали за перипетиями поединка.

Это были: дочь-невеста, её учитель и ещё одна молодая девушка, родственница хозяев.

Причиной дуэли было анонимное письмо, в котором жениха хозяйской дочери, Евы Бландуро, извещали, что у него есть опасный соперник. Письмо было написано итальянцем Бержини, учителем молодой девушки.

Молодые люди поссорились, конечно, и согласились решить дело с оружием в руках.

Ева Бландуро – обычная светская молодая девушка, любившая свет и его веселье, сентиментальность и ухаживание она ненавидела, а потому понравиться ей было не легко, а стать ее возлюбленным... невозможно, поскольку она любила только себя. Только один человек сумел понравиться ей в некоторой степени, именно её учитель, итальянец Бержини, неизвестный без роду и племени, взятый в дом чуть ли не из милости, – так думали, по крайней мере, те, которые не знали, что его протезировал на это место Дилон.

Семейство Бландуро, об истоках богатства коего также было известно одному только Дилону, подражало во всем аристократам, и богатым коммерсантам. А потому следова-

ло моде, требовавшей в каждом благоустроенном доме присутствия учителя или гувернера-иностранца.

А взятый ими гувернер оказался мерзейшим человеком. Он ненавидел своих благодетелей за то, что они были богаты и унижали его, и, чтобы насолить им, влюбил в себя их дочь, свою воспитанницу.

Очутившись среди роскоши и богатства, дурные инстинкты этого развратного проходимца разгорелись не на шутку. Проведя всю жизнь в нищете, без денег, часто без куска хлеба, засыпая нередко на лавке под открытым небом, этот оборванец почувствовал всю сладость богатой обстановки, всю прелесть тёплой, мягкой постели и всегда сытного, вкусного обеда... Он поклялся, что никакой чёрт не лишит его этой жизненной отрады... Он поклялся рогами сатаны, что и сам будет богат... во что бы ни стало. Да, Дилон не ошибся, поместив эту алчную акулу в семейство, которому он хотел отомстить.

Ева полюбила итальянца, но этого ему было мало, он хотел погубить ее на глазах всего общества, поставить непреодолимую преграду для ее счастливого будущего, завладеть не только её телом, но и душой.

С этой целью он подстроил так, что у ее жениха обнаружился соперник. А когда молодая девушка, по легкости своего нрава, попала в эту ловушку и стала кокетничать с молодым человеком, тогда итальянец написал анонимное письмо.

У влюбленного от страха глаза всегда велики, и поэтому не трудно было увидеть измену в невинной улыбке или в простом пожатии руки. Жених наблюдал за невестой, замечал её улыбки и посчитал своим долгом поссориться со своим соперником. Ссора не ускользнула от внимания Евы, и, когда она увидела, что молодые люди отправляются в парк после окончания бала, сердце подсказало ей, что готовится нечто дурное. Закутавшись в темную шаль, побежала она, окольными дорожками, к беседке, из окон которой можно было видеть дуэль.

Ева не заметила, что за ней следят.

Войдя в беседку, она открыла окно и старалась рассмотреть, что происходит между молодыми людьми. Вскоре она рассмотрела их в полумраке, стоявшими друг против друга, со шпагами в руках. Она испугалась и хотела закричать, позвать на помощь, убедить молодых людей не драться. Сердце её билось от страха, но боялась она не за жизнь дерущихся, а за себя, за свою репутацию, которая могла пострадать от такого скандала...

Вдруг открылась и снова закрылась дверь в беседке. Ева оглянулась и увидела перед собой своего гувернера. Он был очень бледен.

Ева бросилась к нему и произнесла взволнованным голосом:

– Если вы любите меня, остановите этот поединок.

– Остановить поединок?.. Нет, Ева, они должны драться

именно потому, что я люблю вас, – ответил Бержини.

– Я не понимаю вас! – воскликнула девушка в ужасе.

Итальянец, схватил её руку и, сжимая ее, проговорил сквозь зубы:

– Эту дуэль... устроил я.

– Изверг... подлец! – крикнула она, вырываясь от него и закрывая лицо руками.

– Ева, я не умею любить, как любят другие, и для того, чтобы достигнуть цели, я готов на все... даже на подлость...

– Но вы видите, что там два человека убивают друг друга! – сказала она, задыхаясь. – Говорить мне теперь, в эту минуту, о вашей любви... это низость... это преступление...

– Я люблю тебя! – шептал итальянец, стараясь обнять ее.

Девушка в ужасе прижалась к стене.

– Да, я преступник, потому что из ревности заставил этих двух людей драться, но я не мог поступить иначе, впрочем, ты сама помогла мне в этом деле...

– О, что за низкий человек, – шептала Ева, с презрением смотря на Бержини.

– Да, я низкий... подлый... все, что хочешь! – повторял он скороговоркой, – но я люблю, люблю тебя!

Он подошел к ней, обнял ее и стал целовать. Она отбивалась от его ласк, но он был сильнее...

Молодые люди все еще продолжали драться.

– Поклянись мне, что ты будешь принадлежать только мне, и я спасу тебя от скандала, – сказал он, держа ее в объ-

ятнях. – У меня есть ключ от калитки, выходящей на улицу, за парком, я подумал обо всем, я вынесу за ограду того из них, который падет в схватке, и никто об этом не узнает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.